

вия и подчиняясь им по неосознаваемому, то от этого человек попадает в ситуацию отчуждения по отношению к праву в целом, и социальная ситуация характеризуется такими категориями как «отчуждение», «правовой нигилизм», «правовой конформизм». Как отмечает М.В. Шугуров, «отчуждение начинается с того момента, когда личность перестает культивировать качественное своеобразие своего бытия»¹, т.е. перестает отвечать за «собственное» и «оригинальное», подпадая под стереотипы социальных взаимодействий и возлагая на них ответственность за свои поступки. И если формирование правовой системы на уровне целого происходит как самоорганизация, то на уровне конкретной личности осознание и принятие права имеет характер целенаправленных, а значит, осознаваемых изменений, которые являются основой для развития социальной общности.

Кроме того, в концепции правового государства, разрабатываемой в рамках теоретической юриспруденции, последовательное связывание государственной власти осуществляется через режим правового ограничения. Оно реализуется через закон, который, с точки зрения законодательной процедуры, принимается и реализуется от имени самого же государства, т.е. государство должно вводить ограничения в отношении себя самого. Однако, очевидно, что государство само себя никогда не ограничит, и подлинным ограничением его власти может стать только ответственная, осознаваемая воля личности. И потому действительные изменения в правовой реальности надлежит связывать именно с личностью, точнее с процессами, протекающими в личностных структурах (в частности, обеспечивающих реализацию субъектности и связанных с категориями «смысл», «поступок», «ответственность», «свобода выбора»), на уровне более глубоком, чем исследуемый в политической антропологии, социологии, психологии, рассмотрение которого невозможно в рамках юриспруденции и составляет предмет философского анализа.

Калинина Е.Ю.

КРИЗИС ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Одной из важных проблем на современном этапе развития государства и общества является кризис правосознания. Он проявляется в самые трудные моменты, переживаемые народом, и характеризует состояние самоидентификации нации: отсутствие чётких ориентиров для дальнейшего про-

¹Шугуров М.В. Социальный конфликт и самоосуществление личности. Саратов, 1994. С. 76.

движения народа по своему историческому пути. Сегодня такая ситуация оказывается глобальной. Бурное развитие XX в. натолкнулось на подводный камень, который сегодня заставляет нас переосмыслить направление движения нашей цивилизации. Принципы, воспринятые послевоенным миром, казавшиеся справедливыми, сегодня во многом показывают свою несостоятельность, что вызывает кризис в правосознании целых народов.

В середине XX в. после войн, которые поколебали самоуверенное спокойствие Европы, казалось, что мир подлежит переделке, поскольку основы его развития устарели и более не годятся для достижения тех благородных целей, достижение которых казалось так близко тогдашней молодёжи. В тот период поведенческие условности, диктат традиционного общества, авторитарных режимов, ценностей предыдущего поколения стали, по мнению протестующих, сковывать их право жить так, как они считали нужным, действовать в меняющейся политической реальности, выдвигать свои идеи и реализовывать свои стремления. Это выразилось в новых формах искусства, отрицании традиционных консервативных ценностей и появлении новых идеалов и героев. Лозунгом молодёжи стало установление мира, свободы, независимости, а это означало возможность сосуществования разных взглядов и уважение противоположных мировоззрений. По крайней мере, такие ценности декларировались, а это означало, что любые границы установлены для того, чтобы лимитировать полную свободу, которая должна была стать залогом нового справедливого мироустройства. Тогда же знаменем нового общественного, а, следовательно, политического и правового порядка, стали либерально-демократические права и свободы, и эта довольно старая теоретическая концепция вдруг обрела вторую жизнь.

Главным принципом стала идея свободы, видимо, свободы всего от всего, поскольку любые запреты воспринимались негативно. Запрет стал атрибутом отжившего, старого, косного, традиционного. В результате традиционное мировоззрение, сутью которого является охранительность, сначала подверглось ревизии, затем осмеянию, а в результате – здание традиционного общества начало медленно, но неукоснительно обсыпаться под порывами этого всеохватывающего урагана. Запреты стали служить возможности их нарушить, и это воспринималось как хороший тон. Эпатаж и оригинальность стали модными тенденциями в культуре и искусстве. Свобода стала пониматься как безграничная возможность. Основой сосуществования, казалось бы, должно было стать огромное множество идей,

а соответственно, подавление интолерантности традиции ко всему новому, чуждому основной идее, господствующей в обществе.

Одновременно стала развиваться идея открытого, безграничного, глобального мира. Границы как идеологические, так и географические отрицались. Образцом для подражания для «дряхлающей Европы» стали молодые, активные, «здоровые» Соединённые Штаты Америки. Одной из основ этого общества стал протестантский мессианизм, который вполне вписывался в мировую ситуацию, когда молодое поколение Европы искало себе лидера. Так проявилась на международном уровне давняя идея «америкоцентризма», осмеявшая устаревший и немодный «европоцентризм» пристыжённой Европы, последним аккордом разложения которой стал национал-социализм со всеми его последствиями и потерями. А ведь не секрет, что национал-социализм и фашизм стали крайними проявлениями буржуазной европейской культуры, которую так часто называли лицемерной, поскольку она словно бы не замечала меняющийся мир, наличие новых тенденций, усиление тех или иных субкультур в устоявшейся общественной иерархии. Некоторые из этих субкультур, право на существование которых буржуазная Европа не признавала, выросли за пределы своего существования и стали требовать освоения новых пространств, держателями которых были чопорные сословия, которые не использовали в полной мере возможности этих пространств, но и не позволяли никому больше их осваивать. Итак, старые традиции были объявлены причиной всех бед, постигших Европу и мир.

Результатом должно было стать построение глобального толерантного мира, в котором бы сосуществовало множество идей и культур на абсолютно равных условиях. Однако вопреки этим прекрасным ожиданиям в конце XX в. мир оказался на грани безыдейности, того, что называется «идейным вакуумом», который в свою очередь порождает социальную апатию, пассивность, недоверие, правовой нигилизм, наконец, а в худшем случае, анархистские настроения, пассивное и активное сопротивление власти. Правосознание оказывается в глубоком кризисе, полная свобода мысли порождает отсутствие мысли, свобода слова ведёт к тому, что людям нечего сказать друг другу, свобода вероисповедания приводит к гибели богов. И в результате политические партии борются друг с другом за право пребывания у власти на четырёхлетний, как правило, срок, а народ наблюдает за этой борьбой без интереса и с определённой долей усталости и иронии.

Идея толерантности и полной свободы замкнулась на самой себе. В случае со свободой это было связано с наличием естественных границ свободы,

которых протестующие не желали замечать. Это, во-первых, ответственность, а во-вторых, свобода оппонента. В случае с толерантностью оказалось, что полная толерантность не существует, и человек, который искренне хотел бы стать толерантным, может столкнуться с кризисом личного правосознания и осознания себя в этом мире. Ведь если некто позиционирует себя как толерантного человека, то, столкнувшись с некоей идеей, быть может прямо противоречащей его собственной, но при этом не являющейся отрицательной (напр., религиозная идентификация), он должен столкнуться с внутренним конфликтом. Как человек толерантный он должен полностью принять эту идею, и уж, конечно, он не должен вступать в конфликт с носителем этой идеи и по её поводу. Это было бы явным признаком интолерантности и непризнания права на свободу оппонента. Вместе с тем, будучи человеком, искренне верящим в свою идею, с помощью которой он позиционирует своё место и роль в этом мире, он не может полностью принять идей своего контрагента, поскольку это означало бы признать ошибочность своей идеи. Следовательно, проявив себя толерантно, он либо на самом деле не проникается чуждой ему идеей, то есть лицемерит, либо не до конца верен своей идее, тогда он лицемерит перед самим собой, что, быть может, ещё хуже.

Вместе с тем повседневностью стало постоянное присутствие в нашей жизни разнообразных социокультурных конфликтов разной направленности: межнациональных, культурных, гендерных и других. Оказалось, что борьба за полную свободу различных социальных групп и субкультур привела не к гармонии различных интересов, а, напротив, к постоянным конфликтам. Чаще всего эти конфликты носят экономический характер, поскольку, став официальными, субкультуры, которые ранее не признавались официальной культурой, стали требовать дополнительного финансирования от государства на основании того, что теперь они равны (или даже «равнее») официальной культуре. В противном случае речь, как правило, идёт о дискриминации со ссылкой на нормативно-правовые акты. В этом случае официальной культуре приходится трудно, ведь с ней борются её же оружием. Ранее, в традиционном обществе, официальная культура часто сама применяла нормы закона против субкультур, наличие и деятельность которых противоречила основам этого общества. Теперь же официальная культура часто сама подвергается преследованию, в том числе в рамках закона, который изначально должен был бы защищать именно эти устои.

Выходом из ситуации становится пересмотр сложившихся идей, которые привели к кризису правосознания и самоидентификации как самого себя, так и целых народов. Этот кризис не первый в мировой истории,

и выходом из него может послужить, во-первых, возвращение категории границы, которая сама по себе не является отрицательной. Отрицательным это понятие становится в том случае, если, замкнувшись, человек или система (например, общество, субкультура, государство) отгораживаются от всего остального мира. В режиме автаркии долгое и тем более успешное существование невозможно. Однако границы, установленные традицией и выработанные веками, являются необходимыми в силу самой природы человека. Поведение человека стереотипно изначально, подвержено нормированию. Понятие норма также не отрицательно. Это правило, выработанное практикой и наиболее успешное в опыте поколений, которые тщательно отбирают те стереотипы поведения, позволяющие удачно действовать в стандартных жизненных ситуациях. Возможности человека ограничены, и поэтому он не может каждый раз в каждой ситуации действовать по-разному. Поведение стереотипно, как стереотипна и сама культура. Вырваться из этих рамок можно исключительно с помощью средств, этими рамками ограниченными. Таков и правовой опыт, в рамках которого складывается правовая культура и правосознание.

Осознание границы необходимо ещё и потому, что современный конфликт зачастую связан с тем, что субкультуры, ранее считавшиеся маргинальными, легализовав в современном обществе своё положение, нередко стремятся «подмять под себя» официальную культуру, отомстить за годы и века нелегального положения, а может даже преследования в рамках закона.

Необходимо осознать, что есть нечто незыблемое – традиция, то есть исторический коллективный опыт народа, существующего в конкретных исторических, природных, политических и иных обстоятельствах. Этот опыт выработал определённые правила, которые можно осудить, можно корректировать, но нежелательно и даже опасно ломать. Именно в этом обстоятельстве причина того, почему невозможно импортировать успешно зарекомендованные в одном государстве (тем более, регионе) институты. Традиция, политический и социальный опыт объективно обусловлены, и их слом повлечёт за собой слом правосознания и самоидентификации народа, а затем прекращение существования его самого и государства.

Эта традиция, в частности, обуславливает социальные границы, в рамках которых сосуществуют различные группы и субкультуры. Эти границы должны быть подвижными и могут и должны подвергаться коррекции. В противном случае общество ждёт социальная революция, которая объективно расставляет группы и субкультуры на места. В этом процессе есть

незыблемая составляющая, некая общественная константа, которая скорее не осознаётся, а ощущается обществом подсознательно. Но есть и переменная, которая зависит от исторических обстоятельств. Путь народа можно корректировать, но нельзя развернуть, резко бросить на другой путь развития, который быть может для других государств был более успешным. Но существует то, что нельзя отнять ни у одного народа, поскольку это приведёт к его гибели. Раскол правосознания также может привести к необратимым последствиям, не зря в XX в. появилась категория «страна, страдающая шизофренией». Однако этот раскол в правосознании можно и нужно преодолевать.

Во-вторых, важным шагом выхода из кризиса правосознания будет служить не признание равенства всех субкультур, а нахождение между ними общих граней. Культуры не являются плоскими, а, следовательно, всегда существует возможность обнаружить нечто общее, что и будет являться интернациональным, межкультурным. Уважение чуждого и диалог через общую грань могут служить залогом предотвращения и разрешения конфликтов. Если при этом подключится государство, предприняв попытку разрешить социально-экономические проблемы, которые в основном служат источником конфликтов в современном мире, то может появиться возможность нового сосуществования в глобальном мире. Кроме того, к разрешению конфликтов должна подключаться и система образования, в рамках которой необходима выработка новых принципов, способствующих воспитанию ответственного человека, глубоко уважающего, прежде всего, свою собственную культуру. Представляется, что только такой человек сможет столь же глубоко уважать культуру других людей.

Гафарова Г.Н.

ЗАЩИТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ АЗЕРБАЙДЖАН

Культурные ценности являются исторической памятью народа. Они в хронологическом порядке повествуют о его взлетах и падениях, победах и поражениях. Поэтому охрана и пропаганда этих ценностей является первоочередной задачей государства. Культурное наследие, дошедшее до наших дней, лишь малая часть того, что было создано нашими предками. Большая их часть была утрачена в силу времени, а другая – в результате военных конфликтов и стихийных бедствий. Главным гарантом сохранности культурных ценностей всегда являлось государство. Именно в государственных музеях была сосредоточена основная их часть, и они являлись их главным защитником. Примером могут служить постановления 20-х гг. XX века, принятые